

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.014

Образы будущего села: мнение сельских предпринимателей Нечерноземья

Е. А. Окладникова, А. В. Воронцов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Для цитирования: *Окладникова Е. А., Воронцов А. В.* Образы будущего села: мнение сельских предпринимателей Нечерноземья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 292–314. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.303>

Предпринята попытка восполнить пробел в области сельской социологии и ответить на вопрос, какие типы интуитивных моделей образа будущего села формируются у современных предпринимателей (фермеров) Северо-Западного экономического района Нечерноземья РФ (далее — Нечерноземья). Объектом исследования стали модели образов будущего Нечерноземья. Предметом исследования — представление сельских предпринимателей об образе будущего села Нечерноземья, их описания этого образа. Принимая во внимание тот факт, что образ будущего — это многомерный и сложный метафорический феномен, мы составили стратегию исследования так, чтобы в процессе экспертного интервью наши информанты могли моделировать образ будущего села исходя из четырех смысловых параметров: образ прошлого села Нечерноземья, образ страны (Россия), образ настоящего села и производный от них образ будущего села. Полевое исследование проводилось методом неформализованного экспертного интервью. Экспертами были сельские предприниматели — руководители КФХ (N = 32, 34–68 лет). Многие из наших экспертов-фермеров сегодня ведут адаптивно-ландшафтную (неистощительная), органическую и смешанную систему хозяйствования. Обобщение материалов полевых исследований позволило выделить два типа моделей образа будущего села Нечерноземья: модель «камикадзе» (пессимистическую) и модель «сирену» (оптимистическую). Временной лаг моделей 50 лет. Модели образов будущего села типа «камикадзе» создавали информанты-пессимисты. Они описывали ее в двух форматах: 1) сельская местность Нечерноземья как неутраченные пространства, 2) деревня — город со собственными им (и деревне, и городу) наборами характеристик. Модели образов будущего села Нечерноземья «сирены» создавали информанты-оптимисты в форматах 1) деревня-город, 2) деревня — производство — управление.

Ключевые слова: образ будущего, сельские предприниматели, Нечерноземье, Северо-Запад РФ.

Введение

Специфика сельской жизни в Северо-Западном экономическом районе Нечерноземья РФ в хозяйственном плане определяется тремя параметрами: пашня/луг, корова, лес. Северная деревня испокон веков трудилась для обеспечения продовольствием городов, расположенных рядом. Социальный план сельской жизни этого региона измеряется, как в прошлом, так и сегодня, двумя параметрами: соседскими отношениями и отношениями кровного родства. В эпоху Нового времени степень удаленности от центра распространения крепостничества на долгие годы вперед определила характер духовной жизни северной деревни Нечерноземья. Деревенские жители разделяли 1) представления о достоинстве свободной личности земледельца-труженика, ответственного за процветание своей семьи, 2) благополучие деревенской общины, которое выразилось в интересе к истории семьи, деревни, малой родины. Например, почти в каждом доме в деревнях Тарногского района Вологодской области сегодня хранятся семейные документальные архивы, а в краеведческом музее Тарногского городка есть летопись села Раменье, написанная местным жителем Флором Мальцевым. По традиции и сегодня духовное начало почитается старшим поколением селян выше материального. В Новейшее время село Нечерноземья было не только пищевой ресурсной базой большой страны, но и источником рабочей для городской индустрии, а в период ВОВ — военной силы для армии. Как рассказывали наши информанты, в отличие от тяжелых послевоенных лет (конец 1940-х — начало 1950-х годов), конец 1950-х — начало 1980-х годов для сел Нечерноземья стал «золотым веком» расцвета, временем вливания государственных дотаций в совхозы, развития и поддержки властью сельского хозяйства. В эпоху перестройки начался процесс затяжного кризиса, краха производственных мощностей, демографического коллапса, обрушения надежд на будущее. Сегодня сельская местность Нечерноземья пребывает в состоянии антропоэкологического упадка. В кризисном состоянии находятся две формы хозяйствования: традиционный крестьянский и индустриальный сельскохозяйственный. Северо-Запад Нечерноземья сегодня — эпицентр запустения, хотя агропромышленный комплекс занимает 50–80% удельного веса производимой продукции на селе по количеству возделываемых земель, растениеводства, животноводства. Крупные и средние фермерские хозяйства площадью от 100 до 600 га Вологодской, Тверской, Новгородской, Ленинградской областей входят в число лидеров по объемам производства фермерской продукции. Проведенное в 1992 г. учеными Центра изучения российских земель под руководством Т. Г. Нефедовой выборочное экспедиционное исследование социально-демографических особенностей ярославского села ярко описало проблему запустения деревенской жизни [1].

Тем не менее наши полевые наблюдения в селах Нечерноземья (2014–2019) показали, что в настоящее время все шире получают распространение в среде средних фермерских хозяйств прогрессивные формы хозяйствования: адаптивно-ландшафтная (неистощительная), органическая и смешанная системы хозяйствования. Эти инновационные системы постепенно приходят на смену истощительной химико-техногенной. Базовым принципом прогрессивной системы хозяйствования является гармоническое сочетание интересов общества и законов развития природы. Многие главы фермерских хозяйств, с которыми мы работали в Воло-

годской, Новгородской, Тверской и Ленинградской областях, рассматривали свою ферму как целостный биодинамический организм. Для них ферма, где содержатся коровы, — это самообеспечивающаяся система. Они считают, что для животных нужны органические корма, для ухода за почвой — естественные, не химические удобрения и почвосберегающие технологии обработки. В ходе полевого исследования (2019) нам удалось взять интервью у небольшого количества руководителей фермерских хозяйств, активно внедрявших прогрессивные формы хозяйствования. Беседы с ними показали, что именно эти люди — реальная движущая сила развития территорий. В большинстве своем те руководители (далее — КФХ), с которыми мы беседовали, были в своей деятельности ориентированы не только на производство сельхоз продукции и ее сбыт. Они на постоянной основе оказывали финансовую поддержку организующим жизнь села социальным сетям: сельским школам, местной библиотеке, домам культуры, создавали собственные краеведческие и туристические центры. У этих людей, как особой социальной группы, была одна общая черта: они активно инвестировали свой труд на селе в будущее своей малой родины.

Понятие «образ будущего» («образ мира», «образ ребенка», «образ смерти») в исторических, культурологических, философских и футурологических исследованиях последних лет используется для обозначения не самого феномена («образа чего-то»), а того, каким этот образ видится определенной социальной группе в конкретной социокультурной среде. В нашем исследовании образ будущего села мы рассматривали в контексте представлений руководителей КФХ о проекте как о перспективной модели дальнейшего развития социально-экономической и духовной жизни деревень Нечерноземья. В ходе интервью мы просили наших информантов описать модель образа будущего села именно как образ-проект либо как альтернативный современному его состоянию, либо как модернизационный, улучшающий современное состояние сельской жизни. Завершающий облик этот образ-проект приобрел после обработки нами материалов полевого исследования (транскриптов интервью). Полученная нами модель образа будущего села Нечерноземья, т. е. та, какой ее видели наши информанты, включала их ответы на вопросы гайды программы исследования. Вопросы в гайде были распределены по четырем смысловым блокам. В первом смысловом блоке были вопросы об образе села Нечерноземья (малой родины респондентов) в прошлом (личная история, история семьи, история деревни). Во втором блоке — об образе села в настоящее время. Третий блок включал вопросы об образе страны (Великой России), частью которой для информантов является их село. В четвертом блоке были вопросы об образе села Нечерноземья в будущем. Информантам предлагалось описать этот образ в социальном, экономическом и духовном контекстах (временной лаг 50 лет).

В статье публикуются результаты проведенного нами в 2019 г. когортного разведывательного прикладного социологического исследования. Такой тип исследования наилучшим образом подходил для изучения мало исследованного феномена — представлений сельских предпринимателей, ведущих прогрессивный тип хозяйствования об образе будущего их села. По типу это было текущее оперативное исследование, непродолжительное, диагностическое. Поэтому для его осуществления мы ограничились небольшим количеством информантов и сжатым инструментарием. Наши информанты — это люди с активной жизненной позицией. Все

они стараются с разной степенью успешности воплощать в повседневной работе адаптивные системы хозяйствования. В работе они были настоящими экспертами-практиками в области сельского хозяйства Нечерноземья. Хотя выборка нашего исследования невелика, она репрезентативна, ибо были соблюдены все условия сочетания трех параметров, характеризующих информантов: пол/возраст, социальный состав (включенность в сельскохозяйственную работу), пространственная локализация.

Прогностики, вторгавшиеся в область социальной футурологии и социальной психологии [2], заметили, что только люди, которые мотивированы на инвестирование своего труда в настоящее, готовы формулировать модель будущего и создавать образы этого будущего. Приступая к исследованию, мы сформулировали гипотезу о том, что наиболее ясная, адекватная и продуманная модель образа будущего может быть выявлена в ходе глубинных неформализованных интервью с руководителями КФХ, т.е. с людьми с активной социальной позицией, инвестирующих свой труд в развитие сельских территорий Нечерноземья. Практика социально-прогностических исследований показывает, что заставить людей думать о будущем может только то, что они активно вкладывают свой труд в изменение окружающей их социально-экономической реальности. Иными словами, только люди, которые инвестируют свой личный труд в развитие территорий, имеют модель будущего.

На первом этапе полевого исследования нам удалось на основании надежных сведений, полученных из уст наших информантов-экспертов, руководителей КФХ, сделать наброски нескольких первичных гипотез. Приступая к исследованию, мы предположили, что в образах будущего села отразятся социальные ожидания сельских предпринимателей — жителей Нечерноземья, а именно: 1) социально-утопические образы справедливого бесконфликтного общества, в котором люди будут владеть искусством жить вместе (жить друг с другом, а не против друг друга); 2) жить, не уменьшая шансы будущих поколений; 3) заботиться о тех, кто беден и бесправен; 4) заботиться о состоянии окружающей среды и т.п. Эти устремления в будущее дополняют утопию победы человека над смертью с помощью науки; 5) идеи покорения космоса и регуляции природных явлений. Иными словами, мы полагали, что информанты готовы думать глобально, а действовать локально. Мы также предположили, что существуют два типа представлений, которые влияют на образ будущего (модель будущего): 1) визуальные образы и персонифицированные образы — автоматизация, цифровизация, улучшение условий жизни и работы, идея Великой России, проекты и программы власти по развитию села, светлые цветасимволы надежды на лучшее; 2) эмоциональное отношение односельчан, их мысли о том, что можно повлиять на ход событий, сделать жизнь лучше, комфортнее, т.е. что будущее зависит от многих вещей, но *прежде всего от нас самих* (Ж. 54).

На втором этапе в ходе полномасштабных интервью мы подвергли первичные предположения проверке. Мы решили проверить наши предположения об образе будущего села с помощью экспертного метода прогнозирования.

В качестве методики исследования мы использовали модифицированный экспертный опрос, который в полевых условиях провели в форме глубинного неформализованного интервью. Модификация методики заключалась в том, что в качестве экспертов мы приглашали к работе не ученых-теоретиков, как, например, это

предполагает метод Дельфи, а сельских предпринимателей-практиков, руководителей КФХ. Избранный нами метод полевой работы способствовал мотивации экспертов к размышлению о будущем села и формированию ими своей модели образа будущего села, а нам позволил более глубоко проникнуть в социальную сельскую реальность. Нас интересовали индивидуальные интуитивные экспертные оценки, которые возникали в процессе конструирования респондентами модели образа будущего села Нечерноземья.

Каждый из четырех смысловых блоков гайда интервью предполагал использование конкретной методики сбора информации. По первому смысловому блоку мы работали с информантами по дополнительной методике документального интервью, предлагая им ответить на вопросы об их личной истории, истории семьи, их деревенском прошлом, прошлой работе в колхозе. Мы также просили респондентов описать **образ прошлого** села Нечерноземья в контексте краткого описания основных событий личной истории (т. е. дать ответы на вопросы: «Откуда вы родом, кто (по роду занятий) ваши предки, где учились, где сейчас живут и чем занимаются ваши дети, как они планируют свои отношения с деревней?»).

Вопросы второго смыслового блока, располагали информантов к размышлениям об **образе страны** (России). Родное село информанта является частью большой России. Просили респондентов назвать признаки величия России в советскую эпоху и перечислить их для России сегодняшнего дня. Отрабатывая второй смысловый блок гайда, мы применили в интервью метод «Пяти почему». Суть метода: информант с помощью исследователя-интервьюера формулирует проблему. В нашем исследовании — это проблема кризисного состояния экономики, демографии и социальных отношений в сельской местности Нечерноземья. При этом большинство респондентов говорили, что не только их село, но и вся Россия переживает кризис. *Велика Россия, такие просторы..., а порядку в ней как не было, так и нет. Власти все на селе у нас порушили* (М. 57).

Кроме того, мы просили информантов сформулировать конкретную для их хозяйства проблему / систему проблем. При этом в процессе беседы выяснялось, что сложности с закупкой кормов, реализацией продукции, содержанием скота возникали не по вине властей, отсутствия государственных дотаций, а по вине самого руководителя КФХ. В ходе интервью выяснялось, что предприниматель даже не пытался подать документы на оформление дотации, полагая, что работники администрации района должны сами для него выбивать гранты, дотации, организовывать спонсорскую помощь. Другой пример. Обсуждая с информантом вопрос об историческом величии России, мы констатировали проблему девальвации идеи Великой России сегодня в представлении его самого и его односельчан. С целью выяснить первопричину девальвации идеи Великой России мы задавали информанту следующие вопросы, которые начинались с «Почему?»:

— Почему? — *Во времена СССР с нами в мире считались, было большое население, огромные территории. Сейчас от нас отвалились республики, деревня обезлюдела.*

— Почему? — *Рухнула страна в 1990-е. Потом перестройка, реформы, легли под Запад, вражеская идея обуяла Ельцина — мы все на Западе купим.*

— Почему? — *Мы в СССР все своими руками и делали, своими руками страну кормили, агрогорода строили, народ мотивирован был на труд для людей.*

— Почему? — *Россия — это наша Родина, мы — народ-трудяга! Будет мотивация на труд для людей, будут социально-активные предприниматели, будем своим умом жить, снова станем великой страной* (пятый вопрос — первопричина) (М. 64 года).

По третьему и четвертому смысловым блокам мы работали с информантами методом интервью-мнение. Нашей задачей было выявить оценки, взгляды, суждения респондентов о состоянии дел на селе, перспективах развития села. В этой части экспертного прогностического интервью мы предлагали респондентам описать: 1) **образ села сегодня** (село как малая родина респондентов; ответ на вопрос: «Опишите образ вашего села одним словом»); 2) **образ будущего** села: ваши представления о будущем села в зоне Нечерноземья (временной лаг прогноза 50 лет).

Кроме того, по четвертому блоку гайда мы работали с информантами, используя метод метафор и метод «жаждущего мышления». Метод метафор имеет много общего с методом и ассоциаций и аналогий. Суть его в том, что информанту в процессе интервью-мнения предлагалось определить сходство между проблемой (кризисное состояние села) и некоторыми другими объектами: 1) системой социальных отношений на селе, сельской демографией, особенностями агрикультурного ландшафта; 2) сферой деятельности (сельское хозяйство, адаптивные и органические методы хозяйствования); 3) концептуальным пространством, существовавшим в воображении информанта (образом прошлого села Нечерноземья, образом страны (Россия), образом села сегодня, образом будущего села).

Основа метафоры — сравнение. Именно в фантазийном контексте *если бы...* в процессе интервью-мнения для информанта открывается интересная возможность подobia реальной жизни и несопоставимых с ней сущностей. Реализация в ходе полевого исследования приема интервью *если бы...* разрушает барьеры и ограничения, мотивирует работу свободной фантазии и воображения информанта. В процессе фантазийной деятельности он делает невозможное возможным. Используя интенсивную образность, метафора вызывает яркие представления, мотивирует продуктивное воображение и визуальное мышление.

Так, из рассказов информантов мы могли извлечь целостную информацию об их представлениях об образе будущего села Нечерноземья. Они продуцировали новое значение сельского будущего и создавали контекст для описания содержательной модели образа будущего села. Этот образ в их рассказе реализовывался как *сгущенная, свернутая аналогия*¹. При этом мы предлагали информантам не только описать модель словесно, но и дать ей название. Затем мы просили наших информантов прокомментировать созданную ими словесную модель.

Обрабатывая транскрипты интервью, мы смогли создать совокупный интегральный образ будущего села Нечерноземья в полувековой перспективе. В процессе интервью-мнения мы предлагали информанту перенести новые значения и смыслы на исходный объект. Статистическая обработка собранного материала заключалась в определении сумм высказываний информантов, которые в нашем

¹ Аналогия такой работы известна в истории науки. Издавна люди объясняли картину мира с помощью метафор как компактных и содержательных моделей: часового механизма, организма, компьютера, гипертекста и Всемирной сети (модель электричества как текучей жидкости М. Фарадея, планетарная модель атома Н. Бора и Э. Резерфорда, модель общества как человеческого организма О. Конта).

понимании в метафорической форме определяли модель образа будущего села каждого из информантов (см. табл. 4).

Теоретические основания изучения образов будущего села зоны Нечерноземья

На прогностическом уровне макросоциологии основные тенденции изменений современной жизни в будущем описывали американский социолог, публицист, создатель теории информационного общества Д. Белл, американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, американский футуролог, создатель теории мегатрендов Дж. Нейсбит. Д. Белл рассуждал о будущем человечества с учетом тенденций современной жизни: 1) перехода от производства товаров к производству услуг; 2) преобладания профессиональных специалистов; 3) усиления роли теоретического знания и специализацией образования; 4) контроля над технологиями; 5) обеспечения процесса принятия решений «интеллектуальными технологиями» [3]. Э. Тоффлер, автор теории футуршока, рассуждал об особенностях и скоростях технологического прогресса, которые скажутся в эволюции села [4]. Дж. Нейсбит создал теорию мегатрендов с учетом таких явлений современности, как глобализация, полицентрализация, регионализация и очень быстрое появление новых цифровых технологий [5].

В настоящей работе мы использовали социологические теории среднего уровня: аксиологическую теорию социологии села (Г. В. Винорадский, Ж. Т. Тощенко), социально-историческую теорию села (В. И. Староверов, Т. Шанин, Г. В. Осипов), теории социального воображаемого (Касторидис) и теории социального прогнозирования (Ф. Полак).

Аксиологическая теория села. Село в зоне Нечерноземья остается особой исторической общностью. Это сельский мир со своими уникальными социальными институтами, взаимосвязями и взаимозависимостями. Результаты анализа социально-философских [6] и социологических [7] аспектов динамики ценностно-нормативной системы жизненных миров российского села могут быть выражены в следующих идеях. Сельская общность (сельский мир) развивалась по своим законам, обусловленным: 1) северными климатическими особенностями; 2) ручным трудом в системе вещно-материального комплекса; 3) традиционным социально-культурным комплексом бытовых, поведенческих и ценностно-нормативных и ментальных доминант.

Социально-историческая теория села. Отличительной агроклиматической чертой Северо-Западного экономического района Нечерноземья РФ является то, что количество ежегодно выпадающих осадков превышает испарение влаги, что сказывается в заболачивании сельхозугодий, влекущем мозаичность крестьянского ландшафта. В этих условиях связь сельского расселения с ландшафтом издавна базировалась на регулировании биоценотической связи «заливной луг — корова — пашня — лес». *У нас можно заниматься коровами, пахать, огороды разводить, но только если за спиной есть древесина... доска, есть* (М. 60). Сегодня более половины всех земель, относящихся к категории сельскохозяйственного назначения, на Северо-Западе России в настоящий период времени не затронуты экономикой.

Сложившаяся к концу XIX в. система деревенских поселений Северо-Запада России с ориентацией на ближайшее село сегодня сломлена. Эта система транс-

формировалась в сторону ориентации сельских поселений на города. Сельская местность региона демонстрирует процесс демографического сжатия. Сельское население Архангельской и Ленинградской областей по сравнению с довоенным составляет около 60 %, — около трети, а Псковской — всего четвертую часть довоенного населения [8]. Для большинства деревень и сел северных районов Нечерноземья характерна социальная необустроенность, низкое качество среды обитания. Промышленность представлена в основном малыми предприятиями в сфере лесозаготовки и деревообработки, пищевой отрасли, которая наименее выражена по объему занятого населения. Предприятий, работающих в сфере торговли, общественного питания и услуг, на территории поселений очень мало. Этому есть обусловленные историческим развитием причины. Села Нечерноземья прошли три стадии исторического развития (полуфеодальную, советскую и либерально-буржуазную), о которых у наших информантов сохранились более или менее ясные воспоминания. На Западе социология села возникла как побочная ветвь городской социологии в конце XIX в. В России же социология деревни в разных формах существовала с XVIII в. (от описи российских городов и весей петровского канцлера П. И. Ягужинского до эмпирических исследований М. Харузина и князя В. Тенишева). Дореволюционная Россия была аграрной страной. Индустриализация не только изменила структуру сельского населения, но и оказала влияние на социально-культурный и поведенческий комплекс городского населения (например, сложилась дачно-огородная практика отдыха горожан). Описанная выше ситуация на селе нашла отражение в советской социологии в работах В. В. Староверова [9], Т. Шанина, Г. В. Осипова, Ю. А. Арутюняна, Т. И. Заславской, А. В. Воронцова.

Актуальные проблемы эволюции сельской жизни Нечерноземья в их работах освещают вопросы ускорения радикально-либеральной трансформации российской деревни как периферии западных транснациональных корпораций в системе нового мирового порядка и поиска эффективной адаптации обездоленного сельского населения к созданному радикально-либеральным переделом порядку жизни. В 2000-е годы социологи стали писать о том, что социальное настоящее, система ценностей и моральные нормы, его определяющие, для деревенских жителей находят отражение в их представлениях о будущем деревни и в его моделях [10].

Теории социального прогнозирования социального воображения. В поэтическом смысле ответ на вопрос, какую роль играют в жизни сельских жителей Нечерноземья модели будущего, может звучать так: «Такую же, как свет фар автомобиля на неосвещенной магистрали, по которой движутся другие, тоже в темную» [11]. Именно как поэтическая метафора история деревни зоны Нечерноземья отражается в модели образа будущего села, которую описывали нам информанты. В начале 1990-х годов после смены политического курса страны на законодательном уровне была сформулирована модель будущего села. Эта модель предполагала, что сельские жители получают возможность вернуть себе землю, начать заниматься трудом для себя и насыщать внутренний рынок страны продуктами сельского хозяйства. Такой была социально-экономическая и политическая модель будущей жизни на селе на начальном этапе эпохи перестройки. Именно об этой модели будущего села 1990-х нам рассказывали информанты: *...думали мы, что лет через 50 мы все, сельские жители, будем свою землю обрабатывать. Она нашей собственностью бу-*

дет. Мы на себя будем работать на своей земле, не арендованной, не колхозной. Мы эту земельку будем холить, беречь, возделывать с умом (М. 67).

Один из теоретиков социального прогнозирования Ф. Полак рассматривал образ будущего как базовый культурный элемент, который не только является источником оптимизма больших социальных групп, но и поддерживает тренд устойчивого развития села как сообщества в целом [12]. Теория социального воображения К. Касторазиса [13] сопрягается с теорией социального прогнозирования в методическом плане. Согласно этой теории, описание образа будущего села Нечерноземья информантами должно включать не только продукты фантазийной работы ума, но и всю совокупность мыслей, чувств, страхов, а также объективных знаний об окружающей людей социальной реальности.

Образы будущего — это социальные конструкты, компонентами которых являются представления о малой родине, личной истории информанта и истории членов его семьи, об особенностях развития истории России, отношении власти к экономическому развитию села и фермерству. В частности, нельзя не согласиться с тем, что социальные аспекты моделей будущего рассматриваются с точки зрения того, каким будущее видится конкретной социальной или демографической группе [14]. Образы, или модели, будущего, возникающие в воображении респондентов, отражают их способность реагировать на реальные и потенциальные угрозы настоящего, т. е. на те проблемы, которые припасены настоящим для их будущего. В образах будущего села, какими их видят наши информанты, проявляются современные и исторические тенденции развития сельского мира, социальных отношений, системы хозяйствования Северо-Западной зоны Нечерноземья РФ. Корни этих тенденций кроются в актуальных событиях, процессах и явлениях настоящего.

Характеристика исследования

На этапе формирования выборки перед нами возник вопрос: сколько таких хозяйств (КФХ) действует на территории России в настоящее время? Точный ответ на этот вопрос нам получить не удалось. Дело в том, что результаты последней сельскохозяйственной переписи (2016 г.) еще не подведены [15]. Точных сведений о генеральной совокупности руководителей КФХ в открытом доступе мы также не обнаружили. Мы воспользовались сведениями по отдельным районам Северо-Западной зоны Нечерноземья РФ и сформировали список экспертов. Уже на месте, в конкретном районе с помощью районных властей мы уточнили этот список и далее использовали его в качестве исходных данных для работы с информантами. Далее мы формировали выборку методами доступных случаев и «снежного кома». Уровень компетентности экспертов определялся уровнем их профессиональной квалификации, сроком пребывания в должности руководителя КФХ и степенью укорененности в сельской местности (табл. 1).

При отборе информантов мы прежде всего учитывали их отношение к предпринимательской деятельности. Сельский предприниматель — это и физическое, и юридическое лицо, которое владеет средствами производства или арендует их. Крестьянское (фермерское) хозяйство сегодня юридически обоснованная форма свободного предпринимательства. Фермер на основе использования находящейся в его собственности или арендованной им земли и имущества осуществляет произ-

водство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции. Как правило, среди наших информантов — руководителей КФХ не было людей, которые регулярно нанимали работников. Они старались все делать с помощью членов своей семьи. Всю работу по производству продукта и его сбыту они выполняли сами или с помощью близких родственников. Основная группа респондентов — это главы таких семей, «стокхолдеры» производственных мощностей КФХ. Молодых людей (до 34 лет) среди них не было.

Таблица 1. Профили респондентов

Имя, место проживания	Пол	Возраст	Должность
Александр, Вологодская обл.	М	43	Руководитель КФК
Сергей, Вологодская обл.	М	45	Руководитель КФК
Иван, Вологодская обл.	М	45	Руководитель КФК
Ашот, Вологодская обл.	М	40	Руководитель КФК
Антон, Вологодская обл.	М	55	Руководитель КФК
Федор, Вологодская обл.	М	43	Руководитель КФК
Дмитрий, Ленинградская обл.	М	32	Руководитель КФК
Николай, Вологодская обл.	М	63	Руководитель КФК
Петр, Вологодская обл.	М	65	Руководитель КФК
Иван, Вологодская обл.	М	64	Руководитель КФК
Николай, Ленинградская обл.	М	66	Руководитель КФК
Эдуард, Новгородская обл.	М	67	Руководитель КФК
Андрей, Новгородская обл.	М	64	Руководитель КФК
Евгений, Ленинградская обл.	М	67	Руководитель КФК
Игорь, Тверская обл.	М	66	Руководитель КФК
Константин, Вологодская обл.	М	63	Руководитель КФК
Валерий, Новгородская обл.	М	64	Руководитель КФК
Павел, Вологодская обл.	М	66	Председатель колхоза
Никита, Новгородская обл.	М	63	Председатель колхоза
Геннадий, Тверская обл.	М	62	Руководитель КФК
Валерий, Ленинградская обл.	М		Руководитель КФК
Надежда, Новгородская обл.	Ж	54	Руководитель КФК
Ольга, Тверская обл.	Ж	35	Руководитель КФК
Валентина, Тверская обл.	Ж	60	Руководитель КФК
Любовь, Тверская обл.	Ж	34	Руководитель КФК
Галина, Вологодская обл.	Ж	63	Руководитель КФК

Имя, место проживания	Пол	Возраст	Должность
Римма, Ленинградская обл.	Ж	63	Руководитель КФК
Инна, Ленинградская обл.	Ж	30	Руководитель КФК
Мария, Вологодская обл.	Ж	32	Руководитель КФК
Вера, Новгородская обл.	Ж	53	Руководитель КФК
Инга, Новгородская обл.	Ж	60	Руководитель КФК
Нина, Новгородская обл.	Ж	61	Руководитель КФК

В исследовании (N=32) приняли участие 11 женщин (трудоспособного возраста — 4; предпенсионного и пенсионного — 7), 21 мужчина (трудоспособного возраста — 7; предпенсионного и пенсионного возраста — 14). Распределение между информантами трудоспособного и пенсионного возрастов пропорциональное: 40 лет (6%), 50 лет (13%), 60 лет (31%), 67 лет (19%), 68 лет (19%). Среди респондентов преобладают лица с высшим образованием: средне-специальное сельскохозяйственное образование (28%), высшее образование (72%). Это обусловлено отчасти тем, что желающие заняться фермерством переезжают жить в сельскую местность из города, где получали среднее специального или высшее образование, долгие годы работали по специальности. После выхода на пенсию они открывали КФХ в сельской местности зоны Нечерноземья.

Описание результатов

Образ будущего села Нечерноземья в процессе работы с информантами интересовал нас как феномен коллективного сознания, задающий вектор будущего развития всем сферам сельской жизни Нечерноземья (социальной, экономической и духовной). Мы просили информантов рассказать, что они думают об экономике села, перспективах развития фермерских хозяйств, о том, что мотивировало их заняться частным предпринимательством на селе, какие проекты по развитию села они считают перспективными, какие проблемы препятствуют устойчивому развитию деревенской жизни, что бы они хотели изменить в системе социальных, экономических и культурных практик в жизни современного села.

Вслед за Ф. Полаком мы придерживаемся взгляда, что образ будущего — это образ-восприятие, или исторический след, который остается в сознании людей после столкновения фантазии с реальностью [12]. Как показали результаты исследований предыдущих лет (N=209), связанные с изучением влияния глобализации на социокультурный ландшафт села Ленинградской области, для большинства сельских жителей Нечерноземья основные смыслы, формирующие их образ будущего села кроются в системе представлений о малой родине в прошлом, настоящем и будущем и об образе страны (России) [16]. Например, ответы информантов на вопрос нашего исследовательского гайда «Опишите одним словом образ вашей малой родины сегодня» распределились так: 10 респондентов (11%) затруднились ответить или ушли от ответа. Остальные респонденты разделились на две группы,

почти равные по количеству: создатели оптимистической (44 %) и пессимистической (45 %) модели будущего села.

Для большинства информантов ответ на этот вопрос служил камертоном для дальнейших размышлений о смысловых компонентах модели образа будущего сел Нечерноземья — образе села в настоящее время. Метафорически одним словом они определяли образ сегодняшнего села следующим образом:

душа: *Деревня — это же душа страны, душа нашей России (М.64). Село наше стоит посреди вековых лесов, кругом поля, летом разнотравье благоухает. Красота-то какая! Где такую природу еще увидишь, чтобы глаз и душу радовало?* (М.67);

спокойствие: *Образ будущей деревни для меня... деревня — это будет самое спокойное место на Земле, и лет через 50, и через 100 лет (Ж.54);*

нечто новое: *Для меня в будущем моя деревенька чистенькая, уютная, где люди работают в свое удовольствие. И коровы чистые, холеные, и пашни возделанные. Ну, и кругом леса, как парки (М.66 лет);*

деревня-кормилица: *Мы и себя, и всю за границу сами накормим. Главное, чтобы эти бюрократы нам не мешали. А в будущем на селе все будет оцифровано, модернизировано, животные будут чипированы. Вон там наши коровы сейчас в поле пасутся с чипами в ушах... их со спутника считают. Бюрократов, всех этих жирных начальников не будет. Компьютер через 50 лет их всех заменит (М.67 лет).*

В таблице 2 представлены основные интерпретации базовых значений образа сегодняшнего села — малой родины информантов.

Таблица 2. Базовые значения интерпретаций образа сегодняшнего села — малой родины информантов (составлена авторами по результатам глубинных интервью)

Значение	Интерпретация
Природа	Леса, поля, реки, источники, озера, лесные ресурсы, охотничьи угодья
Красота	Сезонные явления (романтика белых ночей, чистые снега зимой, грибы/ягоды на севере Вологодской области), широкие просторы, атмосферные явления (красивые облака, зеленеющие леса)
Спокойствие	Тишина, шум ветра в ветках деревьев, пение птиц, деревня — это душа России
Чистота	Прозрачный, чистый воздух, чистая ключевая вода, разнотравье, чистота и доброжелатель
Хорошая экология	Деревня, земля-кормилица, плодородные тучные почвы, отсутствие химикатов в почвах в связи с завершение работы совхозов, чистый воздух, небольшая плотность населения на селе

Размышляя об образе будущего своего села, наши собеседники не только создавали образы-метафоры сегодняшнего села, но и описывали образы прошлого, связывавшие их с селом. Они рассказывали нам о том, какими путями они пришли в деревню, стали сельскими предпринимателями. Многие из них родились в деревне, потом уехали в город, получили образование, успешно отработали на ведущих должностях на крупных предприятиях: *Мы с мужем родились в деревне. Потом уехали, учились в городе. Успешно работали на военном заводе, потом*

в системе государственной безопасности. Вот сейчас оставили квартиру в городе детям, а сами купили ферму тут, в Вологодской области. Проблемы и трудности есть. Но нам нравится в деревне. Мы работать привыкли с детства. Будущее? Нет, наши взрослые дети, вряд ли они приедут в деревню. Да и деревня изменится. Но мы здесь на своем месте (Ж. 60). Другие респонденты рисовали в своем воображении светлый образ будущего села: Мне здесь нравится. Что хорошего с малыми детьми сидеть в темной городской квартире, а здесь свободно, солнечно, к земле близко. Мы с мужем взяли в аренду 6 га земли, выращиваем картошку, строим теплицы, купили технику. Живем в родительском доме. Я сама деревенская. Училась в техникуме в городе. Но здесь нам всем лучше. Детишки вырастут, здесь будут трудиться. Это наша земля, наша деревня (Ж. 34).

В сознании этих людей во время размышлений о будущем неизменно присутствовали воспоминания (мысли и воспоминания о родителях, об этапах личной истории, истории страны, села). Образ будущего обладал для них силой прообраза, это было некое предзнаменование, прообраз далекого будущего, корнями уходящего в прошлое. В связи с этим важной смыслообразующей составляющей образа будущего села для информантов стала совокупность событий их личной истории.

Кроме того, в образе будущего села Нечерноземья для наших информантов воплощался большой спектр идеалов и ценностей, разделяемых ими как социальной группой. Мы также заметили, что одной из наиболее важных ценностей было патриотическое чувство, уважительное отношение к России как к Великой стране. В силу того, что село, в котором живут и ведут фермерское хозяйство информанты, является частью России, мы просили их описать образ Великой России, каким он виделся им в советскую эпоху и представляется сегодня. Для большинства представления о величии советской России и России сегодняшней мало чем отличались: Величие России заключается в обширности ее территорий. Даже сегодня, когда от нас отвалились прибалты, туркмены, «азеры», ну и что, Россия все равно огромная страна: от Балтики и Черного моря до Тихого океана (М. 45). Современные проблемы села наложили отпечаток на представление части респондентов о величии России сегодня: Да, когда был СССР, мы были великой страной. А сейчас уже нет деревни, промышленности нет, нет великих проектов, объединявших наши народы. Нет, конечно, Россия, как ни крути, великая страна..., но многое пошло не так после перестройки, особенно у нас на селе (М. 66). Сила, величие России было в единстве народном в СССР. Сейчас какое единство? У нас на селе еще знают, что такое жить и работать вместе... А в городе что? Да, с нашими просторами, нашими недрами мы все еще великая страна. Но разве можно это сравнить с советскими временами? Хотя я думаю, что мы, все равно еще очень великая страна по сравнению с другими странами (Ж. 63). В таблице 3 представлены основные смыслы, которые респонденты ассоциировали со своим представлением о величии России.

Образ будущего села, который описывали информанты в ходе интервью, отражал одну из сторон общественного самосознания, открывал для нас возможность понять, как современное сельское сообщество Нечерноземья оценивает свою жизнеспособность. Мы заметили, что в процессе интервью психологическое состояние информантов менялось. Те информанты, которые рисовали пессимистический образ будущего села, начинали испытывать раздражение и агрессию. Оптимисты, напротив, воодушевлялись, их лица просветлялись. Предложенная нами прогно-

стическая работа рождала в сознании информантов идеи о принципиально других мирах, другой сельской жизни. Проектирование будущего в форме конструируемых сознанием сельских активистов, фермеров-оптимистов образов желаемого завтра превращало создателей оптимистического образа будущего села Нечерноземья в сознательных соучастников процесса построения такого будущего. Поэтому образ будущего села, его модель они не просто с интересом конструировали в процессе интервью, но и рассматривали как силу, способную изменить удручающую действительность. *Как хорошо, что мы с вами поговорили. Я не просто душу отвела. Вы мне так помогли своими расспросами. Ведь вы же сами знаете, это так важно поразмыслить о прошлом и настоящем. Но важнее подумать, что будет завтра с нашим хозяйством, для чего мы так с мужем на ферме упираемся... так вкладываемся в эту земельку...* (Ж. 60).

Таблица 3. Основные значения интерпретаций идеи «Великая Россия»
(составлена авторами по результатам глубинных интервью)

Значение	Ключевые слова
Огромные территории	Широта земли, разнообразие природных зон, много часовых поясов
Единство народа	Интернационализм советского периода, умение народа сплотиться в трудную годину
Богатства природы и недр	Много леса, полезные ископаемые, запасы пресной воды
Широта русской души	Открытый, отзывчивый добрый народ, красивый фольклор, честность, народная смекалка

Респонденты-пессимисты в ответах жаловались на неправильную государственную сельскохозяйственную политику, несовершенство законодательства, плохое руководство местной власти, отсутствие финансирования: *Чтобы хоть как-то поддерживать уровень жизни семьи, мне приходится часть года оставлять жену на хозяйстве, а самому заниматься извозом: работать дальнбойщиком, возить грузы за пределы области. Какой же я фермер, какой селянин?* (М. 45). Эта группа информантов не уверена в себе, видит угрозу в сегодняшнем дне, проецируя эту угрозу в будущее: *Вот вы тут к нам приехали и спрашивает о том, каким я вижу будущее села. А сами-то, поди, работаете на контролирующие органы... или, того хуже, вы на самом деле мошенники какие-то. А эта ваша социология — это так, для прикрытия* (М. 45).

Фермеры-пессимисты интуитивно переживают симптомы надвигающегося глобального экономического кризиса: *Да, наши сельские проблемы — это порождение и следствие будущего экономического коллапса. Эту катастрофу деревни уже невозможно решить даже, как это делали раньше, при СССР, мощными финансовыми вливаниями, или... затеять какой-то там модернизационный проект сельского производства... или сменить весь устаревший машинный парк* (М. 66). Один наш информант (М. 67) был знаком с финскими фермерами [17]. Он рассказывал о том, как они живут и работают, сокрушался, что в Финляндии реализуется программа сокращения фермерских хозяйств, которых в этой небольшой стране 70 тысяч и которые за последние годы сократились на 2/3. Его рассказ совпадал с тем, что мы можем прочитать в открытом доступе о финском сельском хозяйстве [18].

Образ будущего села Нечерноземья выглядел в описании наших информантов-пессимистов угрожающим: *Через 50 лет... Деревни, т. е. производства молока, разведения мелкого домашнего скота, земель, возделанных под зерновые, картофель, овощи..., не будет. Леса будут вырублены и проданы в Китай, в Европу. Оголенные, заросшие сорной травой земли окончательно погубит эрозия* (М. 56). Многие информанты-пессимисты, испытывая в начале интервью трудности с формулировкой образа малой родины, по ходу интервью начинали описывать образ будущего села с угрюмой озабоченностью. Они рисовали нерадостные картины опустевшего сельского ландшафта: *Да вы только взгляните кругом: заброшенные поля и развалившиеся колхозные постройки, развалины старых церквей, сколько домов развалились, сколько погорели: хозяйва их просто побросали и в город подались* (Ж. 60). Образы будущего сел Нечерноземья большинства пессимистов безрадостны и похожи по описаниям на апокалипсис: *Нет деревни. И никогда деревни большие у нас не будет. Старики в деревнях вымрут. Дети укрепятся в городах. Станут эти дети в промзонах больших и мелких городов перепродажами заниматься. Эти города свяжут между собой автобаны, огороженные стеклянными заборами от пустынных заброшенных полей и вырубленных лесов* (М. 63).

Информанты-оптимисты отличались от пессимистов верой в то, что сельская община, ориентированная на повседневный труд, способна позитивно влиять на социальную реальность: *Мы же все хотим, чтобы было лучше... мы верим в перспективное развитие деревни на самом деле* (Ж. 67). Эти люди на деле оказывают позитивное влияние на устойчивое развитие не только своего производства, но и деревенского быта, вкладываясь (делом и финансами) в поддержание сферы ЖКХ, ремонт церквей, обустройство музеев, ремонт школ: *Да мы тут постоянно изменяем облик деревни, работаем на охрану природы, печемся о модернизации производственных мощностей нашего хозяйства* (М. 56). *Я тут школу отстроил, дома для моих специалистов по ветеринарии возвел, пустынную улицу в березовую аллею превратил. А бабушки-то наши меня как уважают! Я для них магазин и амбулаторию открыл. Да, это я свой старый трактор ТД-75 на постамент против администрации поставил. Пусть молодые знают, на каких тракторах мы наше село, наш колхоз в 1960-х годах поднимали* (М. 55). Оптимисты одним из базовых аспектов своего образа будущего называют качество произведенной продукции и качество жизни селян. Улучшению качества жизни на селе, как они полагают, может помочь развитие туризма: *Конечно, деревня в том виде, в каком она процветала в колхозную пору, уже не возродится. Но бывшие покосы, пахоты, леса можно превратить в экологически чистые зоны, деревенские дома сделать дачными или превратить в обустроенные отели. Это будет настоящий туристический рай, угодыя для активного отдыха горожан. Вот тут у меня устроено зоохозяйство: «Птичий домик». Это контактный зоопарк. Знаете, какой популярностью пользуются мои птицы и звери?* (Ж. 32).

Главным механизмом реализации в будущем оптимистической модели образа будущего села Нечерноземья оптимисты считают веру в себя, в сельское общество и труд: *Все у нас на селе будет, если руки приложить* (Ж. 63); *Все на селе возродится, и сельское хозяйство у нас появится на высшем уровне, если закроют эти сетевые магазины, дотации начнут фермерам давать, жилье людям приличное строить, иными словами, если власть наконец на деревню свой взор обратит* (Ж. 60). Создатели оптимистической модели образа будущего села принадлежали

к тем предпринимателям-новаторам, «...которые разглядели потенциал в тех областях, где другие не видели ничего путного. Иногда, чтобы схватить удачу за хвост, требуется выйти за рамки привычного и поставить на дерзкую идею, способную осуществить переворот как минимум в собственной отрасли» [19].

Содержание базовых значений образов-метафор будущего села зоны Нечерноземья (красота, спокойствие, природа, чистота, хорошая экология) были подробно описаны информантами в ходе интервью. Сгруппировав по смыслу детали их описаний, мы составили три обобщенных модели образа будущего села Нечерноземья, дав им следующие названия: *неутилитарные пространства, деревня-город, деревня — производство — управление*. В таблице 4 представлены основные модели образа будущего села зоны Нечерноземья через 50 лет.

Социокультурные и экономические условия, а также причины возникновения рассмотренных моделей образа будущего села зоны Нечерноземья описаны теориями социального воображаемого Касторазиса [13] и теорией социального прогнозирования мира нашего завтра с помощью образного мышления Ф.Полака. Созданные образным мышлением наших информантов — сельских предпринимателей модели образов будущего села Нечерноземья мы можем обобщить в виде системы идей. Эта система идей образа будущего села Нечерноземья в качестве компонентов включает: 1) представления информантов об образе малой родины, их мнения о величии как советской, так и современной России; 2) установки сознания, определенные форматом воспитания в семье, верой в себя/общину; 3) уровень и специализацию образования, вписанного в социально-исторический контекст сельской повседневности. Обобщив эти идеи, мы представили их в виде трех моделей с метафорическими названиями (табл. 4). Одна из этих моделей, «неутилитарные пространства», является моделью «камикадзе». Она существует только в фантазиях информантов-пессимистов. Модель «деревня-город» для пессимистов наполняется негативными смыслами и описывается в мрачных тонах, приобретая вид модели-«камикадзе». Та же модель образа будущего села Нечерноземья «деревня-город» оптимистами наполняется совершенно иными смыслами. Они рисуют будущее светлыми красками, превращая ее в модель «сирену». Третий тип модели образа будущего села Нечерноземья, «деревня — производство — управление», существует только в умах информантов-оптимистов.

Модели «камикадзе» убивают в людях всякую надежду на будущее не только в парадигме развития, но и самого существования деревни. *Пессимистический образ* (апокалиптическая модель) будущего села Нечерноземья создавали информанты, которые семейной традицией хотя и были связаны с селом (предки и они сами родились в деревне), но потом выезжали учиться/работать в город. Потом они возвращались в деревню, но их дети/внуки либо соглашались оказывать временную посильную (например, техническую) помощь родителям, либо окончательно уходили работать в город (торговля, хайтек, менеджмент). Информанты-пессимисты не стремятся порвать связь с селом, они категорически отвергали мысль уехать в город или за границу. Они часто бывают в городе (поездки к детям, общение с властями, посещение налоговой инспекции, сбыт продукции и т. п.). Одной из причин размышлений об образе будущего информантов-пессимистов в духе модели «камикадзе» является понимание ими хрупкости сельского мира в современных условиях. Другая причина пессимизма — укоренная в их коллективном сознании

Таблица 4. Две модели образа будущего села зоны Нечерноземья
(составлена авторами по результатам глубинных интервью)

Образ будущего села зоны Нечерноземья	Модель «камикадзе» (пессимистическая)		Модель «сирена» (оптимистическая)	
	Неутилитарные пространства	красота	дикая, природная, отсутствие «человека агрикультурного»	красота
спокойствие		полное отсутствие человека, ведущего вообще какую-либо деятельность	спокойствие	—
природа		заболоченные, заросшие сорным лесом территории	природа	—
чистота		Засоренные лесные массивы, топи, непригодные к возделыванию земли	чистота	—
хорошая экология		Плохая экология, большие дикие животные и дикие птицы	хорошая экология	—
Деревня-город	красота	Города, став огромными индустриальными агломерациями, превратятся в острова между безжизненными территориями, лишёнными растительности и людей	красота	Поселения городского типа, малоэтажная застройка, коммуникации высокого качества всех уровней, высокие технологии хозяйствования и жизнеобеспечения транслируются в сельскую местность индустриальными центрами в городах — фабриках мысли.
	спокойствие	Полнейшее запустение когда-то освоенных человеком сельских территорий (спокойное безлюдье)	спокойствие	Психологически и физически комфортная обстановка жизни в чистой, почти девственной природе
	природа	Уничтоженная природа, сорные леса, в которых бродят большие животные, пустынные и заболоченные земли бывших пастбищ и полей, прорезанные автобанами, скоростными железными дорогами, связывающими мегаполисы	природа	Богатые природные ресурсы полностью восстановлены, разумно используются на основе природосберегающих инновационных технологий, разработанных в мегаполисах — фабриках мысли.

Образ будущего села зоны Нечерноземья	Модель «камикадзе» (пессимистическая)		Модель «сирена» (оптимистическая)	
Деревня-город	чистота	Люди мегаполисов, живущие во второй, цифровой, виртуальной реальности, окруженные роботами, уже не нуждаются в той физической деревенской реальности, которая в заброшенном состоянии умирает за границами индустриальных центров	чистота	Мир подобен граду или любому поселению людей. К его общему устройству причастны все люди планеты. Из этой причастности происходит все разумное, все духовное и Закон. В управленческой сфере жизни общества господствуют внеэкономические импульсы деятельности. Чистота помыслов жителей деревенской общины рождает чистоту окружающей материальной реальности. Люди мотивированы на труд для себя — главную ценность и радость жизни. Результаты их сельского труда обмениваются на ресурсы, которые производят мегаполисы — фабрики мысли и инноваций
	хорошая экология	Экология по всей планете находится в ужасном состоянии	хорошая экология	Деревня-город — источник сбережения и улучшения экологии всей планеты
Деревня — производство — управление	красота	—	красота	Деревня — место органического адаптивного сельского хозяйства. Основа хозяйства — инновационные производства экологических продуктов питания. Разумное потребление населения городов — фабрик мысли. Здоровый образ жизни не как индустрия обогащения, а как норма жизни.
	спокойствие	—	спокойствие	Архитектура нового типа, экологичное жилье, модернизированное производство, коммуникации с властью с обратной связью.

Образ будущего села зоны Нечерноземья	Модель «камикадзе» (пессимистическая)		Модель «сирена» (оптимистическая)	
	Деревня — производство — управление	спокойствие	—	спокойствие
природа		—	природа	Энергосбережение, восстановление ресурсов, охрана природы
чистота		—	чистота	Люди чисты в помыслах, активны в делах
хорошая экология		—	хорошая экология	Экология поддерживается жителями — производителями с/х продукции высокого качества. Производители — это труженики, работающее в свое удовольствие. Обучение происходит здесь же, в деревне (как начальное, среднее специальное, так и высшее). Образование ориентировано на сельскохозяйственные дисциплины

установка на недоверие к государственной власти, которая никогда не стремилась превращать крестьянина в хозяина земли, а только разными способами использовала его как трудовой ресурс. У пессимистической модели образа будущего села Нечерноземья есть свой неожиданный перспективный выход. Этот выход обозначили в своих трудах русские философы-космисты. Они полагали, что человек, утратив связь с землей, на бытовом уровне став космополитом, в будущем может начать осваивать космическое пространство, став не просто человеком мира, но человеком вселенной.

Модели «сирены» манят в мир высоких технологий и жизни, наполненной трудовыми смыслами. *Оптимистический образ* (позитивная модель) будущего села была у тех информантов, которые, долгое время пожив в городе, возвращались в деревню с детьми/внуками. При этом молодое поколение активно включалось в деревенскую жизнь (внуки) и в работу КФК (взрослые дети). Создатели оптимистической модели сельского будущего сильны своим социальным активизмом, укорененностью в культурной традиции и повседневности сельской жизни. Эта социальная группы отличается волей к жизни, интересом к созидательной работе, любовью к родной природе. Не стоит думать, что все они радикальные традиционалисты, адепты триады «самодержавие, православие, народность». Это новый тип сельской личности. Эти люди живут в нескольких измерениях, используют ком-

пьютеры и гаджеты в работе, имеют мобильные телефоны, по несколько автомобилей в своих гаражах, включая купленную после развала колхозов сельскохозяйственную технику. Сами организуют сельские праздники и участвуют в них. Вместе со взрослыми сыновьями могут собрать квадроцикл, назвав его *каракатом*. Позитивные жизненные установки открывают перед ними социальные возможности, мотивируя их фантазию на создание моделей «сирен».

Заключение

Обобщая собранную информацию о моделях образов будущего села Нечерноземья сельских предпринимателей-оптимистов мы нашли подтверждение части наших первоначальных предположений. Так, только в моделях «сиренах» оптимистами артикулировались установки сохранения окружающей среды, заботы о будущих поколениях и локальной направленности хозяйственной деятельности. Важным является и то, что мотивационной доминантой модели «сирены» была идея о том, что можно повлиять на ход событий, сделать жизнь лучше, комфортнее. Размышления о бесконфликтном обществе, преодолении смерти с помощью науки, о глобальном мышлении и тем более о проектах и программах власти по развитию села в образах-проектах будущего села Нечерноземья наших информантах отражения не нашли.

Анализ полевого материала позволил разделить информантов на две группы: творцов образов будущего по типу моделей «камикадзе» (пессимистов) и по типу моделей «сирен» (оптимистов). Наши материалы подтверждают разработки ученых в области теории форсайтов. Так, когда разным социальным группам предлагают создавать модели будущего (своей семьи, корпорации, страны), они описывают эти модели с позиций своего сегодняшнего бытия. Есть только одна концепция будущего: будущее будет таким же, как сегодня, только немножечко другим. Если у человека, который создает модель, позитивная картина мира, он, как правило, говорит, что будущее будет такое же, как сегодня, но только немного лучше. Тогда у автора модели будущего получается концепция устойчивого развития. Если у человека негативная картина мира, и он видит трудности в современной жизни, то в своей модели будущего он станет развивать эти проблемы и дальше.

Модели «камикадзе» информантов-пессимистов описывают образы будущего села Нечерноземья в двух форматах: как «неутилитарных пространств» и «деревня-город» со свойственными им наборами характеристик (см. табл. 4). Модели «сирены», созданные информантами-оптимистами также представлены в двух форматах: «деревня-город» и «деревня — производство — управление». Оба типа моделей образа будущего села Нечерноземья, как оптимистическая, так и пессимистическая, стоят на общем перцептивном фундаменте — горьких ощущениях наших респондентов о постоянно не сбывающихся надеждах, *которым не сбыться никогда* (М. 65).

Литература

1. Нефедова Т. Г. Ярославское село // Ваш выбор. 1993. № 1. С. 10–11.
2. Переслегин С. Б. Проектирование будущего как ресурс для настоящего. Четыре модели будущего. URL: <https://izborskiy-club.livejournal.com/426585.html> (дата обращения: 24.05.2020).

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1993. 507 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
5. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ-Транзиткнига, 2005. 274 с.
6. Виноградский В. Г. Сельские миры: опыт социологической реконструкции // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 3–13.
7. Тощенко Ж. Т. Смыслы жизненного мира сельских жителей // Смыслы жизненного мира сельских жителей (опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 11–25.
8. Гаевская З. А. Природно-хозяйственные принципы регуляции сельских территорий Нечерноземья // Architecture and Modern Information Technologies. 2018. № 3 (44). С. 276–293.
9. Староверов В. И. Сельская социология // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Наука, 2014. С. 479–481.
10. Новиков В. Г. Сельская социология России: ее социальное пространство, предметная специфика и генезис // Вестник университета. 2018. № 9. С. 152–158.
11. Агеев А. И., Иванова Т. А. Будущее отбрасывает тени. М.: Рубин, 2017. 256 с.
12. Polak F. The Image of the Future. London; New York: Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, 1973. 319 p.
13. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003. 408 с.
14. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века: избранные произведения. М.: Республика, 1994. 416 с.
15. Крестьянское фермерское хозяйство как юридическое лиц. URL: <https://biztolk.ru/biznes-idei/selskoe-hozyajstvo/krestyanskoe-fermerskoe-hozyajstvo-kak-yuridicheskoe-lits.html#i-7o> (дата обращения: 24.05.2020).
16. Окладникова Е. А. Деревенька моя глазами Лаголовского поселения Ленинградской области. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 124 с.
17. Работа на финской ферме. Интервью с финским фермером. URL: <https://zaganportal.ru/finlandia/rabota-finlandia/rabota-v-selskom-hozyajstve.html> (дата обращения: 24.05.2020).
18. Сельское хозяйство Финляндии. Как живет финский фермер. URL: <https://zen.yandex.ru/media/finland/selskoe-hoziaistvo-finlandii-kak-jivet-finskii-fermer-5c3e1072ca940600aa08f53b> (дата обращения: 24.05.2020).
19. Шаталова О. Смелычаки от бизнеса: об использовании футурологических прогнозов в практике компаний. URL: <http://futurologija.ru/bibl/shatalova-o-smelchaki/> (дата обращения: 24.05.2020).

Статья поступила в редакцию 5 марта 2020 г.;
рекомендована в печать 10 июня 2020 г.

Контактная информация:

Окладникова Елена Алексеевна — д-р ист. наук, проф.; okladnikova-ea@yandex.ru
Воронцов Алексей Васильевич — д-р филос. наук, почет. проф.; voronzov@herzen.spb.ru

Images of the future village: The opinion of rural farmers of the Non-Black Earth Region

E. A. Okladnikova, A. V. Voronzov

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Okladnikova E. A., Voronzov A. V. Images of the future village: The opinion of rural farmers of the Non-Black Earth Region. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, issue 3, pp. 292–314. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.303> (In Russian)

The article attempts to fill the gap in the field of rural sociology and answer the question what types of intuitive models of the “image of the future” of the village are formulated today by en-

trepreneurs (farmers) of the North-West Economic Region of the Non-Black Earth Region of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Non-Black Earth Region). The object of the study was the model of “images of the future” in the village of Non-Black Earth. The subject of the study is the idea of rural entrepreneurs about the “image of the future” of the village of Non-Black Earth, their description of the model of this image. Taking into account the fact that the “image of the future” is a multidimensional and complex metaphorical phenomenon, the authors have compiled a research strategy so that in the course of an expert interview the respondents could model the “image of the future” in the village based on 4 meanings: “image of the past” “The village of Non-Black Earth, the” image of the country “(Russia), the” image of the present “village and, derived from them — the” image of the future “of the village. The survey was conducted using informal expert interviews. The experts were rural entrepreneurs-heads of peasant farms (N = 32, 34–68 years). A generalization of field research materials allowed us to distinguish two types of models of the “image of the future” in the village of Non-Black Earth: the model “kamikazde” and the model “siren”. Time lag models: 50 years. Models of “images of the future” of a “kamikaze” type village were created by pessimistic respondents. Models of “images of the future” in the village of “sirens” were created by optimistic respondents.

Keywords: “image of the future”, rural entrepreneurs, Non-Black Earth. Northwest of the Russian Federation.

References

1. Nefedova T. G. Yaroslavl village. *Vash Vybor*, 1993, no. 1, pp. 10–11. (In Russian)
2. Pereslegin S. B. *Designing the future as a resource for the present. Four models of the future*. Available at: URL: <https://izborskiy-club.livejournal.com/426585.html> (accessed: 24.05.2020). (In Russian)
3. Bell D. *The coming post-industrial society: the experience of social forecasting*. Moscow, Academia Publ., 1993. (In Russian)
4. Toffler E. *The Third Wave*. Moscow, AST Publ., 2004. (In Russian)
5. Naysbit D. *High technology, deep humanity: technology and our quest for meaning*. Moscow, AST-Transitbook Publ., 2005. (In Russian)
6. Vinogradsky V. G. Rural worlds: the experience of sociological reconstruction. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019, no. 5, pp. 3–13. (In Russian)
7. Toshenko Zh. T. Senses of the vital world of rural residents. *Smysly zhiznennogo mira sel'skikh zhitelei (opyt sotsiologicheskogo analiza)*. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing Publ., 2016, pp. 11–25. (In Russian)
8. Gaevskaya Z. A. Natural and economic principles of regulation of rural territories of non-black soil. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2018, no. 3 (44), pp. 276–293. (In Russian)
9. Staroverov V. I. Rural sociology. *Sotsiologicheskii slovar'*. Resp. ed. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. Moscow, Nauka Publ., 2014, pp. 479–481. (In Russian)
10. Novikov V. G. Rural sociology of Russia: its social space, subject specificity and genesis. *Vestnik Universiteta*, 2018, no. 9, pp. 152–158. (In Russian)
11. Ageev A. I., Ivanova T. A. *The future casts shadows*. Moscow, Rubin Publ., 2017. 256 p. (In Russian)
12. Polak F. *The Image of the Future*. London; New York, Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, 1973.
13. Kastoriadis K. *The imaginary establishment of society*. Moscow, Gnosis Publ.; Logos Publ., 2003. 408 p. (In Russian)
14. *The image of the future in Russian socio-economic thought of the late 19th — early 20th century: Selected works*. Moscow, Republic Publ., 1994. (In Russian)
15. *Peasant farming as a legal entity*. Available at: <https://biztolk.ru/biznes-idei/selskoe-hozyajstvo/krestyanskoe-fermerskoe-hozyajstvo-kak-yuridicheskoe-litso.html#i-7o> (accessed: 24.05.2020). (In Russian)
16. Okladnikova E. A. *My village through the eyes of the Lagolovsky settlement of the Leningrad region*. Moscow; Berlin, Direct Media Publ., 2017. 124 p. (In Russian)
17. *Work on a Finnish farm. Interview with a Finnish farmer*. Available at: <https://zagranportal.ru/finlian->

dia/rabota-finlandia/rabota-v-selskom-xozyajstve.html (accessed: 24.05.2020). (In Russian)

18. *Agriculture of Finland. How does a Finnish farmer live?* Available at: <https://zen.yandex.ru/media/finland/selskoe-hoziaistvo-finlandii-kak-jivet-finskii-fermer-5c3e1072ca940600aa08f53b> (accessed: 24.05.2020). (In Russian)

19. Shatalova O. *Daredevils from business: on the use of futurological forecasts in company practice*. Available at: <http://futurologija.ru/bibl/shatalova-o-smelchaki/> (accessed: 24.05.2020). (In Russian)

Received: March 5, 2020

Accepted: June 10, 2020

Authors' information:

Elena A. Okladnikova — Dr. Sci. in History, Professor; okladnikova-ea@yandex.ru

Alexei V. Voronzov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor Emeritus; voronzov@herzen.spb.ru